

О себе и предках

С годами у меня появилось страшное желание узнать судьбу моих предков, близких мне людей. Но пока работая занятым этим благородным делом не представлялось возможным. На пенсию я оформился в 1974 году, но призывая к постоянной работе, страх перед неизвестным бездельем, да и нужда, бедность - заставили еще 15 лет трудиться, за это время я перебрал несколько организаций, предприятий, наизусть на ходу социалистическую безалаберность, безответственность, безхозяйственность и бросил работу. Освободившись от дел я властно занялся родословной. Вот, когда я пошутил, что не оставил работу на 15 лет раньше. Сколько я потерял дорогого времени. И ушел со старостью, так и не став в богатстве, ушел из жизни люди, которые могли о многом рассказать. Но несмотря на этот промах - я многого добился. Восстановил семейное имя моих родственников, репрессированных в 1929 году, доброе имя моего тещи Хачкевича Моисея Павловича, расстрелянного безвинно в 1938 году в Новосибирске, безвинно расстрелянного моего брата Пукинского Вячеслава в 1938 году в Колташево, доброе имя близких мне людей венников Пукинских пострадавших от репрессий в 1929 году.

С помощью общества "Мемориал", Томского центра польской культуры и непосредственной помощи Василия Антоновича Хачкевича его супруги Светланы Георгиевны - я разыскал рофеев венников в Польше, я составил родословное по линии отца, мамы, моей дорогой Катюши. Для меня все это интересно и для любопытных правнуков я составляю карты о судьбе их пращуров.

И так все по порядку.

Моя родина Беларусь. Здесь жили, трудились мои предки по отцу, а мама и ее предки жили

в Польше. Свою родину я помню хорошо. К памяти нашей сссылки мне было 10 лет и я учился в 3-м классе белорусской школы. Прощив долги и поезде невольничью трудную жизнь, я очень ярко вспоминаю наш хутор, наш дом, нашу усадьбу, наши поля, где цепокладая рук трудилась наша семья.

Хутор достался отцу от деда Игната, а дед купил его с довольно большим участком земли еще задолго до первой мировой войны.

Инициальной путь деда был труден и тернист. Он многие годы козевал по Белоруссии, а впоследствии и по Прибалтике, арендуя землю. По революционному закону, землевладелец мог сдать землю в аренду не более чем на 5 лет, иначе он терял право на землю. Поэтому дед Игнат и вел козевый образ жизни и своеобразным путем обрабатывал землю. В первый год арендует в землю обильно вносила навоз, а потом 4 года весь навоз накапливался для удобрения следующего арендуемого участка. В хозяйстве деда было много лошадей. На моей памяти на хуторе стояли большие помурзущие коты. Как говорил отец в них выросло до 2-х десятков лошадей.

С началом войны хозяйство деда пришлось в упадок, его призвали в армию, дед был в возрасте, а когда свезишась революция 1917 года - хозяйство полностью разорили. Землю отобрали, имущество распустили.

Помню от болезни, а скорее от того, что лишился хозяйства, которое стояло ему всей жизни, бабушка умерла до моего еще рождения. Когда мне было 3-4 года ушла и жизнь и бабушка. Я даже цепочкой помню ее.

У деда Игната было 4 сына - Игнат, Эдуард, Кочетович (мой отец) и Болеслав. Была и дочь Анна. У всех у них были разные судьбы. Болеслав погиб,

Эдуард спокойно дошел до старости, оставив трех сынов и две дочери. Умер во время ВОВ в Белоруссии в преклонном возрасте. Учился сумел получить образование и как мне известно, в двадцатые годы работал в рагем в гор. Минске. В 1925-26 гг. дядя Игнат приезжал к нам в гости с семьей. У него тогда было 2 сына - подростки, больше с ними связи не было. Тетя Анна, по фамилии Палько, жила в г. Розаев, Гомельской обл. Она тоже приезжала к нам на лето. У нее было 2 сына - Геслав и Стефан, но жила она без мужа. Стефан сын Геслав в те годы работал учителем, где-то недалеко от Гомеля. Как сообщили жители д. Кургань, что тетя Анна после Отечественной войны жила в их деревне, что недалеко от бывшего нашего хутора. Жила одна и как рассказывали соседи - никто к ней не приезжал и похоронили ее соседи. Сын, наверно, погибал.

В 1989 году мои братья Леонид и Станислав ездили на мою и Леонидова родину. От хутора не осталось и следа. После нас на нашем хуторе организовывалась коммуна, но она просуществовала совсем не долго. Все постройки разлетелись, сад разлажался. Осталась только копанка (вокопанный водоем), где полопали беле, полили скот, где как говорила мама, гуль не утонул и, будучи совсем маленьким. Жители деревни уже не могли вспомнить ни отца, ни деда, а вот поле на котором стоял хутор до сих пор называли "борейшево поле", как лучше поле колхоза. Знать много вложили в эту землю сил и работ мой дед и отец.

Моя мама Стефановна Павловна Стржанковская родилась и провела детство и юношеские годы в Польше. Ее отец Павел Клементьевич в разные годы работал механиком на фабрике, управляющим

хозяйства у помещика, а позже обзавелся своим помещением и угасшим землем и как теперь стало известно это поместье находилось в Джорджской обл., где-то недалеко от г. Волковотек в местечке Малое Клевазихи. Возмощно там и сейчас живут близкие родственники.

В семье деду Павла и бабу Юзефов было 5 дочерей и 4 сына. Мой мама была предпоследним ребенком в семье. Во время первой мировой войны дед Павел, баба Юзефа и мой мама, как беженцы оказались в Белоруссии, где мама и встретилась с моим отцом. Несколько лет они жили там по гужим углам, а в 1920 году вернулись в хутор деду, где отец взял в аренду уже у государственной 10 десятин земли, на которой они собственники проработали 7-8 лет. Как уже я помню, они не были богаты. Держали пару лошадей, пару коров и прогуливались. За этот год отец построил дом, посадил сад, построил надворное помещение, что еще нужно было работящему крестьянину? Но еда была далеко не дала. Осенью 1921 года отец арестовали и "тройка" приговорила к трем годам лагерей, которые он отбывал в лесу на знаменитых соловках и Кольском полуострове, а потом десять лет был под надзором коммундариата в Томской обл.

У нас троих малолетних детей (2, младший брат Леонид и сестра Бригиде) и маму водворили у нас в дом, причем всего имущество. Зиму мы пережили на квартире знакомых в Чебоксарском городе Татарской обл., а в феврале 1930 года в числе многих других таких же несчастных, как и мы, отгравали в товарных вагонах на север. Как вы видите, но мы ехали в этот

а я с радостью, т.к. нам говорили, что везут нас на свидание с отцом, а нас ждёт только обману-пи. Месяцев 5 нас держали в пересобранном лагере «Луза», что в Кировской обл. где скопилось брати-ки тогдашней семьи, стариков, холодов, голод и скученность в настилках пошитых шайшах с тройными нарами, привели к массовому бо-лезням и смертности. Много там осталось навечно безвинных людей в братских могилах.

Потом нас снова погрузили в товарные ва-гоны и увезли в г. Котлае. Вгрузили нас у товарных вагонов на крутом берегу северной дельты для загрузки в баржи. Спуск с круто-го берега к баржам производился по шайшим пестыцам, а багатишко спускали на берегах.

Прошла жизнь, много работало, с трудом сми-рился, но до сих пор не могу понять - зачем ну-жно было подвергать людей такому испытанию. Спуск с крутого берега по шайшим пестыцам на вершину нас на людей, а многих калеки, тогда как рядом в километре от места загрузки была оборудованная пристань. Колму и знател-ница была такая жестокость? нас и увози-ли в тяжёлом же обитоме мешка на вершину гребль.

В баржи нас погрузили как селёдки в бочки. Время было жаркое, а пока баржи закрыты. Плы-ва по реке мы страдали от жажды. Выйдя вест-ное место стравившись здесь же в барже с какие-то ёмкостями, от чего в барже стояло зловоние.

Вгрузили нас у барж в зорянском селе Кот-керо, а оттуда пешком, маленькие дети и баба-нишко на двухколках в д. Поповки. А дальше наш путь лежал в глухую тайгу, где обособился и спецпоселенческий посёлок Вельский.

Не знаю кто ходатайствовал и кто слышавшая
Ивану Ивани, но нам разрешили уехать вместе
сестры на Сибирь, где Ивани в ссылке Ивани и бли-
зкие родственники Пукитские. Работы пере-
езда из одного ада в другой омрачались труднос-
тью переезда без контроля ОГПУ, почти без де-
нет, без документов. Еще более печальна работа
внутри ссылки нас в Сибирь. Семья Пукит-
ских, отбывающих ссылку в Ванском р-не, жили
в тесной палатке с семьей в шесть человек,
влага Ивани существование, питаюсь исклю-
чительно тем, что могла дать тайга, река,
озеро и случайные заработки. Готовили ром-
ши (шерсть для скотины) для Пукитских, дрова
для печки и спалили в палатке. Ни от какой
работы не откачивались, но всеравно шестеро
голодали. Это были 1931-33 годы - самое голодное
годы.

Весной 1933 г. закончился срок ссылки семьи Пукитских и они решили переехать в с. Лебятинского-го района. Разрешили переехать и нам. Весной 1933 года с Пукитскими мы раскопали в Лебятинском селении зарытые и посадили картофель, а осенью съели догнойной урочай. Картофель, да собранные и выращенные несколько мешков зерноу, которые разломали на муку - дали нам возможность перезимовать и начать учебу в школе. У меня были потеряны 3 учебника года. Несмотря на удачное начало Лебятинское предложение нам много трудностей. В 1934 году Пукитские продали купленную или в Лебятинском доме, а новый купили домик разоб-рели и увез. Пукитские уехали в Залково, где их отец и сын устроились работать в Пукитские. Но позднев осени мы уехали с мамой Ивани в примитивном шалаше, готовя пищу на

сделанной нами пещке. Спасал нас огорюк, где рос-
ла картофель, овощи и вокруг аюлаша много цве-
тов. Кто-то из соседей подарил мне и подарил нам
маленькую телочку, ставшей поросятами
нашего коровьего поголовья. На фолге гора.
Через полтора года из этой телочки получилась
хорошая корова. Но это через полтора года, а ско-
лько за это время мой перешли вмотелитных
трудностей, голода, холода, однако у геду ке бросили.

В 1935 году отца освободили из лагерей и отпра-
вили под Казань оглу ке бессрочно сослаку в
Помошью обл. Наша вструга с отцом ке изместила
нашей жизни. У нас кебыло ни шибя, ни сродней в
к сущей в ватно. и тому-ке отцу вербука боь-
ночь. В лагере перебрал цотгон, бол и шибует, нег-
де болло устроитова работатъ. В поляках при-
тащица и работот - отец и мать отцеделитиел
на шителбейво в лесопушките в спецкобелецеском
поселке Залково колпащевеского р-на. Там они
нашу м работоту и месито в бараке. Дид отца и ма-
мой тот год бол "сгаеитом в шителте", появинае
наещеда дид воштиватид. В 1936 году у родителей ро-
дился наш братик ситанолов, который бол их
наещедай, помощником в те кебедоидитъ трудное
годот шитити родителей.

Мой с братом Леонардом еще год шили в работате
и продолтали угеду. Как мой перешли этот год
ке хогейта и встолитатъ - болло голода и холода.

В 1936 году я закончил 7 классов и вешел вопро-
сито далбиде?

Мне удивительна повезло. Я сумел получить
паспорт и помог мне друг, работающий в то вре-
мя секретарем сельсовета. Он водал мне справку
дид получения паспорта и фокусе удалид.

Из последних сил и возможностей родителей соб-
рали меня в Томск. Купили мне первую в моей
жизни косяком. Будетъ и бол он хабугамбуманной,

Но самой красивой. Я до сих пор его помню.

В Томске я успел издать журнал «Журавль» в Шельского-роштинской типографии. Так называлась моя самостоятельная типография, которая находилась в центре города, рядом с парком и парадом в низь. Первым делом я купил себе в 1970 году, когда меня «разоблачили» и выгнали из типографии. Каким образом удалось мне предпринять заботу вернуться в типографию. Я добился до депутата Верховного Совета СССР-ректора государственного института. Возвращаясь, меня депутат, развел руками и сказал: «Извини, Борятин, но помочь тебе я не могу. Остаешься без диплома, без официальной работы, приравнивая, но все же меня отпустила кафедра, оставив заведение и документы в офисе кафедры предпринять - я пришел в назначенный срок и мне говорили - прийти не можешь - нет места. Темно работала информация о моем кулацком происхождении и принадлежности к семье «врагов».

Наступила осень, когда в парке стало невозможно, да и голод давал о себе знать. Меня возмущили несколько облигаций, которые мне дали мама, провозвещая на уступку. О них я вспомнил в самый критический момент, когда казалось, что нет выхода. К счастью пару облигаций был близкий друг и я получил за них что-то около 70 руб. Первое, что я сделал - это извозчик наел и на полный желудок голова стала работать лучше. Потом я на бродяжничестве томского низья и последним парадом уехал в Залково к родственникам. В Залково я устроился приемщиком леса, потом счетоводом, кассиром. И в Залково моя карьера закончилась пегалью. Нагальник угасил и превратил меня к своей любовнице, хотя я к этой шлюхе не имел никакого отношения.

Но он в поту яросич со мной, расчитался и уложил меня, а погубить и моего брата Леонарда, который работал сибирячком.

Прочитав двадцатилетний и читая книги, боль мучающая и обшаривши фамилию бывшего нагабешника Леопольда Князя Пер, который оказался политическим шуртвей и был в 1938 г. расстрелян. Пусть же лучше восполнителен и о нем сохранил, но это сообщение отозвалось болью в моей душе. Это было зашифровка и моей жизни. На его месте мог оказаться и я.

Наш дальнейший путь с братом шел в Колпацкое. После мотарей в мой оба определены на работу. Меня призывали егетоводом в ОРС колпачевской пестромхоза, где я боитсярко форт до бухгалтера. Когда в Верхне-Кейском районе открылось Шибегинское отделение ОРС'а - меня послали туда бухгалтером. В этом отделении я проработал с 1939 по 1942 год.

Об этом периоде моей жизни можно сказать: «Сколько мало пройдено дорог, а сколько много сделано ошибок». Первую пощегину здесь я попустил за свою прищю в борьбе с казнокрадами. Разеблагав казнокрада и невольню зареял зелье своего нагабешива - директора и го. бухгалтера. Они, конечно, как-то отделались или откупились, а меня проузнили. Меня перевели в роде с повотщением - заведующим культурокии кустом ОРС'а в отделенной пеструкции.

Время было грозное - первое месечой войны. Занобот кормить несозготовителюи шущны боли продукт, которых практически не было, не было и фактов. Вот здесь я опять проявил свою неовузванную прищю. Без разрешения нагабешива закупила голов до скота, переработала как куру

точно 2 овса, организовал роголовскую бригаду и еще совсем детуманамую для руководства инциденту - взял за весной 42 года раскорчевал полтера за земля и посади картошку. Сколько на мою непутевую голову свалилось бед, в зем меня только не обвиняли? Прокуратура полтора держала меня на подмоке о неволе. А как я мог не ездить? Ездил, конечно. В конце-концов меня сняли с работы, зем я бои бозумно рад. Месяц я проработал на заготовке леса в лесопункте в сиваховской бригаде. Не имел физической закалки этой весной бои для меня серьезным испытанием, но я не раекне и работал, как и все остальные бригады.

В августе 1942 года меня призвали в армию. Будучи патриотом я обрадовался и думал, что наконец-то удовлетворил мою просьбу поехать на фронт. Но не тут-то было. В Новосибирске меня отпустили в трудовую и послали копать траншеи на строительной работе в тридцать двенадцатой промшлестности. В то время я сильно заболел и мое состояние было ужасным - температура, сильная кашель. Проработав несколько дней я совсем свалился. Стае меня сосед по нарам, с которым у меня сложились хорошие отношения. В его помощи меня определили бухгалтером в ДРС. Я очень обрадовался, но радость была прехвременною. Я продолжал болеть, хотя и ходил на работу, но зно зб. хлеба и один раз в день зашка бапандот-усурилась моя болезнь. Работал через силу, обрабатывал документ какой-то базой и вскорости обнаружил незаконную утоску товаров. Наугенной гурьким опытом я не стал горьку и о всем рассказав глав. бухгалтеру, доброму еврею по фамилии Резник. Он внимательно

Меня вслушал, проверил документ и сказал, что бы я и ихолму не рассказывал и что он сам во всем разберется, поинтересовался моим штифтом. Ботбей, обещал помочь и как в сказке через пяди земли я уже был бухгалтером подсобного хозяйства ОРС'а. Конечно подсобное хозяйство далеко не рай, там тоже были зоры хлеба, но зрар в день зоры гав, похлебка, а самое главное зрар весной 1943 года я встретил свою кайшцу, которая в 1944 считала моей супругой. Несмотря на суровое военное время, на нашу нищету, безграбиче-моботам счастливой. Под вылазе Надежда, цель шизы и мне совсем не захотелось идти в армию. Но все же в феврале 1945 года меня призвали и направил во 2-е Тюменское военное училище. Угедь в училище была прокрашена с наглом войтой с япотной. Училище было расформировано и полком советске отгравлено на восточной фронт. Пока собирались - война закончилась и мы успели добраться только до Новосибирка. Когда вернулись в Тюмень нам предложили продолжить угедь в 1-м Тюменском военном училище. Многие остались, а я отказался. Меня шдела кайшца и зорь Наде, которая родилась уже без меня. Через год я демобилизовался и нагалеь опять под грандачек, полная тревог, волнений и проектов шизы. Вернулся я на подсобное хозяйство к своей кайшце. Остававшись зрар не имело смысла. Начинать шизу в Новосибирске тоже не было возможности. У нас с кайшцей шизе не было - ни денег, ни друзей, ни приятниц. Мы решили мы ехать к моим родителям в Залково. Продали единственное кайшичье богатство - верев 10 картонных. Вот с этим капиталом нагалеь наша шиза.

В Залково летом 1946 года я начал работать бухгалтером педпункта. Родители мои шили огель беды, но картофель, молоко, наш парк, мод зерпачта, ташной

пробысел - помогли пережить трудное время. Я боюсь освоился с работой.

Осенью 1948 года меня назначили заместителем глав. бухгалтера колхоза переломхоза. Переехали мы с Катюшей и уже с двумя детьми (в голково у нас родился сын Лёва) в Погоур, где была резиденция переломхоза. Трудное для нас было это время. Нутка бедность. Я дошивала шинель, гимнастерку и Катюша не бросила орешкой. На меня навалилась хворь и зора работы. Я боюсь примеря к новым условиям работы. Через какое-то время нам дали приличную квартиру. Постепенно обзавелись орешкой, дошивали утварью. Много делала Катюша - шила, вязала.

Осенью 1949 года мы с Катюшей по отцуек проехали в тайге и заготовили несколько мешков кедрового ореха. Большую часть его мы сдали в заготовку и получили по нашей бедности, значительную сумму денег. В Погоуре мы заготовили укрепим свое хозяйство, завели корову. В 1950 году у нас родился Паша. Я как бухгалтер сидела крепко на ногах и летом 1952 года мне предложили должность глав. бухгалтера Ивбеленского переломхоза в Верхне-Кетской р-не. Судьба опять улыбнулась мне в Верхнекетске. Я лет и проработал в этом ПТХ глав. бухгалтером и 2 года начальником планово-экономического отдела.

В год переезда в Родино, где находился Ивбеленский ПТХ, умерла в голково моя сестра Бригидя и мы решили забрать к себе моих родителей и младшего брата Сидорчука. За родителями ездила Катюша. Трудно ей досталась эта перевозка. Все хозяйство родителей погрузили на паузок и более веревки плыли на буксире катера. Родителям привезли корову и все их шивоты.

Всё было в нашей шивоте в Родино. Мы с

капитальной работам и были активной жизнью. Мои родители были чаще хористами, воспитателями детей. Здесь родился наш младший браток Володя - любимец деду и бабу. Я за это болел и иногда подтверждаю здоровье, могу капитальной иногда ездить на курорты, оставаясь детьми и хористами на родителей. Кроме поездок на курорты мой много время уделял походам в тайгу, походы на рыбалку. Взяли и охоту, и с детьми. Дети до сих пор с воспоминаниями вспоминают наши походы в природу.

Когда Святослав закончил 10 классов Беловодской школы и окончил 3 года в армии, он устроился на работу в Белом Дре - родителями устроили нас купить им домик в Белом Дре. Такой дом мой и купили и был 2 года жили там естественное. При доме была хорошая усадьба, садик. Ружьем был и корову. Как-то и мы им помогали. Но случилось так, что Святослав пошел в Томский строительный институт и был остался один, очень серьезно заболел, какое-то время лежал в больнице и был очень захотел вернуться к нам и мы их перевезли к себе обратно.

Родители еще многому занимались собой на работе, у мамы - есочка, голод, страхи за нас детей, целосильный труд укоротили их жизнь и в феврале 1962 года отец и февраль, а мама до февраля - ушли из жизни.

Безвременная ушла из жизни и мама капитальной. Она умерла в октябре 1964 года в Новосибирске на 64-м году жизни, так и не узнав правды о безвильном похищении ее мужа, еще восьми его детей. Документов о его реабилитации мы получили в марте 1990г.

Похоронили Александру Фредериковну в Рудновке на 2-й ее родине, где она провела не верооятно трудную жизнь, где родились ее дети и где сейчас покоятся все три ее сына и дочь.

Прошли десятилетия, а боль утраты не проходит. Сегодня, когда и мой с'кампанец уже в преклонном возрасте - более жестко воспринимаются нутные поощения наших родителей. Мой отец работу по найму начал в 55 лет, завод лагерей, зайдя же в единичном хозяйстве в ситан фан получил пенсию пенсию не угодилась, с боашиим трудом он сумел отработать 17 лет и по тем верверским законам ни пенсию ни пособия получить не мог.

Вспоминаю трудную жизнь моих родителей, я не могу не вспомнить и о жизни семьи Кацкевичей моей кампани. Не приведи Господь такой жизни даже врагу. Шива в колхозе ее отец от рядового колхозника дошел до председателя и 3-го марта 1938 года безвинно был расстрелян. В семье осталась боашая мать и восемь малолетних и несовершеннолетних детей. Семья не вообразилась, но трудом преодолеть, как она вошла без помощи, поддержки и еще в физическичном откошении к семье, врага народа. Мои родители и отец кампани поостерты реабилитированы. Мне, моему брату Леониду, кампани и ее семье лице представлено какие-то льготы. Но не вразумить нам эти страдания и муки наших несчастьных родителей и безбрежно ушедших у жизни. Вот кому нужна боашая милосердие и помощь.

В Родиноке обиталась навечно моя родители. Похороны они рядом и на их могиле выросла пошешенная мной кедр и береза, а на могилке мамы росла рябичка, любимое дерево мамы. Мошест не так зашило, как бы хотелось, но боашая в Родиноке шест боашой работы поселок, где когда-то находилась резидентфия Нидегиноской лесотропки, первого в области механизированного лесотропки,

профитера всех лесхозов Верхнекетов (Бен-
дрекон, Макзорекон, Игузетекон, Дровокон, Се-
пановекон и Кайтайнтекон).

В сентябрь 1995 года мне кайтайн боли в Рот-
бинке, по правлам мошки покловичез земле
родителей. На коште сварил ебед, вотили по
ришке ковьдка и распрощались, возмонно и
навсегда. Иааб бола эаидент на разоренной
поселок. Поощуи к евоелу долу, где проща-
ли 10 лет, аикуда проведили в последвий гудь
моих родителей. Трудно еиало туфа и ездит.
Не ходит автобусот и добиралме на попут-
ных машинах.

Пройдет десяток лет, мошки удрасит ель-
ником, кедрущками, их еейеае уше много взомло
и палимто о родителях будет префана забветно.
Едва-ли кто-то и чих вухов уфосуетид наве-
тито их мошлот. Это поделасиб-такова ииизиб.

Деелью 1962 года мот уехали и Ротбинка в мото-
гитю. Мне предлошил там долшность главво
бухгалтера лесозавода. Это предлощение мот
принимал с уфвоелбийвием, т.к. здесь бола ередняя
школа, а училе дити.

Моготиль ветрешило нае разозарованим. Преф-
примитие еидило на грани финланеового краа.
Месяцами не воплаиввалез уерлаиита. Долги
шелмте мильмотами, как банку там и пос-
та вирикач, бюджету и особачно "Помлеспрому"
по еишмелетийи еиш приботи. Первое утро мо-
ей работи в лесозаводе бола ошеломадвоидиу -
мелд ветрешилам сошди работик котороте после
ночной сменот иудам авансовох воплаит по 3-5 руб.
Для мена это бола дико. Ии в коллашевекон, ии
в Ибегинекон лесхозох в то время не бола
такого.

Иеоеченицу помощь в воитавлетии платещесло-
содкостий предпривийи мне оказат давништий доб-

роль знакомого по Верхнему-управляющий Молганов-
 своим отделением госбанка Паршин Николай Ровно-
 нович. Идя на нарушение правил банка, он помо-
 гал получить прокредитацию ссуду банка, благо шла еще
 отгрузка вагонов термалов и деньги на проезд обиль-
 но поступали. После этого появилась возможность
 получить кредит на зарплате и готовую продукцию.
 Предприниматель ситил и последующие годы финансо-
 вой затруднений не было.

Зимой 1967 года по предложению Томасевича и об-
 щим КПС метд Наградиам на создание бригадно-
 го ЛПХ в р.п. Красной Яр. Здесь было еще купе зем
 в Могольск в 1962 году. Сметил я здесь старого зна-
 комого по работе в системе "Томасевич" - Боду-
 мкина, который в конце статьи, хотя и был воз-
 фант "хорошим бухгалтером".

Много сил и энергии я отдал этому предприя-
 тию. Зарплату здесь не платили месяцами, пред-
 приятие не кредитовалось. С помощью друзей
 пошел в магазин месяца разгиталась с зарплат-
 той, с открытием навигации разгиталась обан-
 ком, получили кредит и начали перепродавать
 в форме формальды.

Но как бы ни старались все же труднее было пре-
 одолеть как обычно в организации работы бух-
 галтерии.

В те годы шла компания создания централи-
 зованных бухгалтерий, что привело иногда к
 абсурду. Предприятие было большое, около
 3-х тыс. работников и в центральную бухгал-
 терию сдвинули десятки угнетенных бухгалтеров
 Получился поток на который были большие за-
 держки, как по техническим причинам, так
 и по халатности отдельных работников, пото-
 му обработка документов сильно задерживалась.
 Срок выплаты заработной платы устанавли-
 вался 21 июля, но к этому сроку бухгалтерия

Ботна поистине не готова. Посоветовавшись с руководителем и распустив централизованную бухгалтерию оставив 2 или 3 человека в своей группе. В первую же неделю цехового бухгалтеру справились с обработкой документов к 7 числу. Это число и стало датой отхода от управления.

Такой зрелища я не видел и сам, т.к. было сильное противостояние, ботам шалобот, ботам проверки, ботам споры, мои обиды. Но все решил результат.

Прошло какое-то время, все утихло, заботы о трудностях с зарплатой, успокоилась и я, и вдруг на прощание среди рабочего раздобылся и в термостативной обертывке вручил мне первый в моей жизни подарок - маленький радиоприемник "Цейва". От неопытности я даже раскисла. Позже и коллеги по дороге сбросила на магнитодорожку для меня. Позже уже работая в "Томлесстрое", в областном управлении и Щегарском узле связи - я получила подарки, ботам даже золотые часы, но первый подарок - радиоприемник для меня остался самым дорогим и который он мне давным-давно не работает, но я его хранию, надеясь отремонтировать.

Весной 1970 года "Томлесстрой" предложил мне должность глав. бухгалтера треста "Облаеслав" и предложение было принято.

Трест "Облаеслав" встретил меня новыми проблемами, которые надо было решить ботам уже сейчас. Главной бедой ботам недостатка леса. Только в Усть-Зыломской слабоводной обнаружилось Чероситлага в 170 тыс. куб. Это по тем ценам оценивалось в 3,5 мил. руб.

Более месяца я провел со специалистами слесарниками в поисках пропавшего леса. Но искать было нечего, его просто не было в природе.

обнаружили лес на песках устья в обсохших
паводах, обсохшего в уловах рек Улу-лен и Гизко-лен,
на брабичих растояниях от жилищ поселков, но и
этот лес был убит в ивентаризации, а зарос-
сы были пущены. Обнаружением лес освоить было
практически невозможно, т.к. проще и дешевле
было его заготовить в лесу. Убитой этой
лес был безбашной и безбашней следующих лет.
Комиссия устала вела, что основными причина-
ми безбашности была бесконтрольная сработка леса
в русло рек в период заготовки и приемы леса
этими заготовителями, что привело к огромному
приросту. Эта версия была подтверждена поз-
же, когда я уже работал глав. бухгалтером "Том-
леспрома". Буфеты на вахтовом участке "Гуйка"
где работали бригады комсомолецкой и Арзай-
Юльско-леспрома - много было устала вела,
что обвел лес приемщиком замеры лес "метром"
длиной 70 см. и это обнаружилось в момент
когда в бригаде был директор ЛПХ.

Второй причиной было то обстоятельство,
что много раз сплавились реки для перевозки
слага не готовились, не ставились явеса, пере-
держивались злом, потому много леса релю-
валось по поймам и терялось безвозвратно.

К социальным причинам вывода были относятся
без внимания.

Особо 1971 года мне было предложено долж. носить
глав. бухгалтером обзекции "Томлеспром". Не знаю
за кем я соглашался. Я ведь знал, что это за фол-
нность - аденный труд. Более сорока предприятий
в трех областях, многие из них были убыточные,
в некоторых даже не было подготовленного бухгалтера,
если бухгалтера было много работы.

А что мне могло за этой труд предвзвешать?

А всего 180 руб в месяц и я все же пошел.

Застояли, сколько же здесь я потерял здоровья, сколько нажил врагов и так мало друзей. Работа в объединении все же была и полезной для меня. У меня откролись глаза на действующий механизм нашего дела в объединении, в министерстве и самое главное я увидел наготу чиновников вершующих судьбы миллионов людей. Их безнравственность, корысть, некомпетентность. Я увидел больших руководителей пядицу, разбратников (судья, судьяский), карьеристов (глазговы) и вообще уже о гнилых низших рангах - директоров, руководителей учреждений. Я нагадил на работников министерства высокого ранга, которые все же считались людьми чести, шрамы за себя префронтальничества в очетке этих подарков, их а это прохоро казенства и им один выкогда не спросят, а сколько это стоит и за себя того купид. Все считалось само собой разумеющимся. А ведь и этого само собой не получалось. На все это нужны были большие деньги. Никаких фотков на эти цели, да и вообще никаких фотков не было. Каждый кто угощал дарил подарки должен был возкручиваться, обязательно фиктивные документы, воевать в это других людей, проводить шуликов, воров. Каждый ведь расчитывает вполне позитив - если им можно, то почему мне нельзя? Так поднимал шулики, вора, а мо сегодня удивительное - откуда они появились?

Было и по другому. Тогда я работал в Вргайском ЛПХ. Была какая-то круглая дата воссоединения Украины с Россией и нам приехала украинская делегация с конфертом геновек 50. Накануне приезда к нам приехали инструктор обкома, секретарь райкома для организации встречи,

подготовки подарков, торжественного обеда. Я бо-
 ло увертывался, но на меня приготовили и я согла-
 сился, где-то закупили на канторского гостя по мален-
 кому бюджету с медом. Надо проанализировать, что эти
 заранее готовились. Обед заказали в столовой
 ОРС'а, купили пару и цыпков котычка, бола и вояка.
 Обед получился на славу. Делегация, да еще и гости —
 хитров, Назарбеков человек 15- все бола в отпущенной
 Настройщик. Гости и закупили нам концерт почи-
 ще тем на сцене. Все хорошо, а мне как-то бола
 же по себе. Расходы то огромные. Не сито и мурд-
 ситовант, а пресито отпущен сего ОРС'а, а там
 буй, что буйет.

Через 2-3 дня к нам явился ревизор КРУ для
 проверки расходов по вступлению с украинцами.
 Проверившись с советом всего бола, показал я сего
 ОРС'а и платенные документы. Бола составлен
 акти. Я спросил ревизора, что мне грозит за
 это гостеприимство. Он говорит, что дело
 серьезное, но решать будет Пизаев, по заветно
 которому он и пришел. Прошло какое-то вре-
 мя, и оказался в Томске на каком-то совещании
 и имел осторожность не писать воеказначителю
 в адрес «Томскэнерго». Когда совещание закончи-
 лось - наг. обзвонивший Губинский захватил ме-
 ня и к моему удивлению посетил у меня тот
 злополучный акти и потребовал у меня Носа и ска-
 зал, что если буду увертываться, то он даст ход это-
 му документу. Потом Губинский еще несколько раз
 напомнил мне о том акти.

Я так думаю, что совсем не случится этот
 документ переходящий от Пизаева к Губинскому.
 Так бола легче держаться в узде строптивых.
 Уволился я из «Томскэнерго» неощущая даже для

себя. В начале 1978 года начальником областного
бюро назначен Глазовцев Владимир Андреевич - авет-
тиорист по натуре. Сколькo вреда он причинил
"Томасграду", работая глав. инженером областного
директором Алейского ЛПК, представляя в штаб
свои древообрабатывающие идеи. Но по его настоянию строи-
лись цеха переработки древесины в пос. Зарь и
восемь часов вала на железно-дорожной ветке Усть-
ко-Зарь, куда железная дорога не шла ни одним
вагоном. Но он строил в Алейке пазухи для содержа-
щих алкашей, а рабочих отпуща так и не полу-
чили. Но он введя в эксплуатацию технологию на при-
родном склоне в Сдиге, когда там уже давно
не было леса, а во это обобщая узкоколейная
железная дорога 100 км от Сайги до Вольнолюбивой
сортевой базой камышинского ЛПК. На реализации
таких проектов тратились миллионы рублей.

Я с Глазовцевым был в Вермильском отделе
и работаю с ним в основном невозможном.
Похоще и Глазовцев тоже не хотел иметь в своем
аппарате меня. Я подаю жалобу об уходе на
пенсии и как в семье через 3 года уже был при-
каз министром о моем увольнении. Тем же был
рад. Я боюсь устроиться в областную управле-
ние, жкомкомом в отделе переселенцев, где
где работа мне показывалась прекрасной отработкой
с большим размером зарплаты и большим ко мне
вниманием и уважением. Боюсь прожить
2 года. Перечислил отделе в полном своем функциониро-
вании было уходить на заслуженный отдых,
к тому времени я уже переработал в лет, но страх
перед неизвестностью безденежья, да плюс наша бедность,
Именно ждала вилли некая еще работу. Так я
оказался с камышей в с. Мельниково. Здесь заре-
ботал квартиру, а свою комнату подарил соседу

Володе, которую он бросил вместе с щеной и до-
герью, а потом 5 лет добивался уже своей квар-
тиры. В Мельбургове я еще в лет работал, ве-
силая временных работ по проведению ревизий
в разных швейцарских организациях. Вот
где я нагадилась на нашу социалистическую
бюрократическую систему, на воробейство, на бессове-
стоте приемы и обман государства. Только
направо я ситарелась. Никому не нужны бол
мой проверки и разоблачения.

Бол такой, "забавный" слугай. Я закончила
ревизию в мейерайтльском участке. Результат
бол потрясающий - приемы, разбитый рынок
средств, безупречность и полное разворобывание.
О результатах ревизии болейше управление
было хорошо информировано. Материалы ре-
визии забавалась гешт и глав. бухгалтера управле-
ния. Акт ревизии бол повезти с кайюшей витою
попутно проводить детей и сделать покупки.
Пришли бол в управление после обеда. Нае муш-
ки до вечера, а потом главбух и вводит при-
дире завтра, середке мне нехотда. Как я не уга-
дывал, расчитывать меня отказались. Профессор
взял акит и пошел к вотоху и обертывались го-
варю - хорошо, бол переносим, но только акит
я едам не вам, а отнесу в областную прокура-
туру. Меня вернули и через 10 минут меня рас-
читали и бол с кайюшей, вотоху и управле-
ния, от души хохотали. Так на войне и итеж-
геского слеха и закончилась моя общественно-
трудовая деятельность. Работать больше уже
не хотелось. Нагадась этой печальной жизнь-
дом, озеро, поездка к детям и главное вос-

составление родословных, сбор материала, описа-
ние, составление таблиц, организация вейрегв.
На несколько раз я перебрал свой архив докумен-
тов, отендировал когда-то проект планок, много
восстановлено, но к сожалению еще более безвозврат-
но утеряно. Но и тому, что удалось восстановить
я рад и счастлив.

Возможно и так, что мой труд окажется
не востребованным. Все может быть, но и тогда
свой труд я не считая напрасным. Пока я
вспоминаю предков, близких мне людей, пота-
ясь заглянуть в их судьбы, их жизни - они дав-
но ушедшие и жизни - воскресают в моей па-
мяти, в памяти моих детей, близких мне лю-
дей сопереживающих вместе со мной.

Нарисовал я свои воспоминания, пережил их и
подумалось, зачем в моей жизни все было так
плохо и я все жизнь преодолевал трудности, бо-
ролся с рутинной, безрезультативностью, бо-
ли что лучше? Конечно было. Судьба послала
мне прекрасную спутницу, которая дала ей
два дара - духа и радость. Мой богатый
мир, много друзей, много познаний. А сколько
мой прощали с рюкзаком и ружьишкой по глу-
хой тайге, местили, пробрались по тайге
резишкой на облатке, матерчатой дорожке и
щипке? А сколько ногей провели в шалашах,
палатках у костра? Тайга помогала нам
выжить, поправлять наши дела, она была на-
шим главным наказом, она нежна наша душа.

Мой братишка, работающий, надеется к поз-
нанию и переосмыслению жизни, а я, наверно,
немного и судящий. Как мне сейчас ка-
жется, я хотел посетить в будущем отшельника

взятном предпринятии, а позже и в обнародовании
своего будущего, если уж и не коммунизм, то
во всяком случае справедливое общество.
Смеяться? А мне нет. Это было мое время, моя
жизнь, моя эпоха. По своему характеру - Никто
на меня и не мог и делал все, что пожелаете
на мне мой совет, интуиция.

Никто тогда ботать и друзей имей и образование,
но в науку мне больше горю путь был закрыт.
Психикум закончил я закончил уже в 1966 году за два
до пенсионного возраста.

Я умел с гордостью, только к сожалению, пока ум-
но - горю пролетели и мой ум уже никому был
не нужен.

По хрущевскому призыву я вошел в партию
и был образцовым коммунистом. Вел активную
решительную борьбу с безхозяйственностью, приписками,
воровщиной. С разоблачением выступал в пе-
риодике, на разных совещаниях, партийных собраниях.

И что? Да, конечно, Никто. Смету обом не
процубесть. Но я ни от чего не отказывался
и не каюсь - был, как был. Только благодарен
судьбе за то, что она (судьба) сэкономила мне от
психушки. А она была рядом со мной когда я
в полусне забывая с кем спорю и кому
хотел доказать истину.

А может я и в самом деле сумасшедший.
Ведь только человек с большой головкой, не имея
образованной и в возрасте, когда перевалило за
70 лет, начал писать стихи. Специалистов
от них морщатся, а у близких людей, которые
знакомы с моим творчеством - невольно
слеза наворачивается или улыбка подвигается.

каждому такую слезинку и улыбку я принимаю, как благодарности за свой труд, за себе вдохновение на более близким мне людям.

Дорогой мой человек, я благодарен тебе за твоё терпение и что ты прожил мой. Воспоминания - воспоминания человека пережившего самое страшное годо регрессии, трудное годо войны и фетальное за солоничку поиталея вожить и как-то благодарности нашу сказочную Низов. Только сказка оказалась почтен и ступиковому концом.

спасибо тебе дорогой!

с уважением Белелав Бегейца

22-04-96

ББ